

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

С.С. РАПОПОРТ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТА И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

В статье предлагается гипотетическая модель социальной науки. Модель включает социальные и социально-психологические характеристики учреждения социальной науки и интеллигентского сословия, профессионально ее производящего¹. Характеристики сословия представлены его социокультурной компетенцией. Эти компоненты модели имеют самостоятельное значение и вместе с тем сопоставимы со свойствами современной социальной реальности, «данной нам в ощущениях».

Рассматривается ситуация учреждения социальной науки «здесь-и-сейчас». Приводимые примеры служат лишь целям теоретического анализа, однако читатели могут «верифицировать» их — с помощью социо-этнологической «включенности».

Рапопорт Сергей Самуилович — научный сотрудник Института социальных исследований Литвы. Адрес: 2600 Lithuania, Vilnius, Saltoniskiu, 58. Телефон: 210-20-71. Электронная почта: rapas@takas.lt

¹ Наличие интеллигентского сословия — это ценностно нейтральный социально-демографический факт. Так, в публичных местах, где происходит будничное смешение социальных сословий (например, на рынках) интеллигенты почти автоматически опознают «своих», а неинтеллигенты столь же легко отличают их по внешним признакам (одежде, манерам, речи). Анализ показывает, что эти внешние отличия сопровождаются внутренними — общими для интеллигентов характеристиками мировосприятия, важной составляющей которых является социокультурная компетенция. («Вся русская интеллигенция казалась русскому крестьянству на одно лицо...». В.Г. Короленко. Земли! Земли! М., 1991. С. 33–34.)

Сформулируем два постулата:

1. Постулат социально-групповой ангажированности социального познания, которое (за исключением, пожалуй, неинтерпретируемых статистических данных о населении вообще) носит отпечаток менталитета интеллигентского сословия, то есть социальной группы, занимающейся этим познанием. Фигурирующий в научных текстах абстрактный герой — человек вообще — слеплен с интеллигентского образца.

2. Постулат нужности интеллигенции — единственного сословия, для которого релевантна проблема «нужности», «востребованности», «оправданности существования»; доказывая нужность-для-других, интеллигент тем самым находит оправдание себе. Так, ценностной подоплекой порождаемых интеллигенцией текстов является нужность социального познания для остальных групп и человечества вообще (здесь группоцентризм как бы опирается на антропоцентризм).

В статье *не* обсуждается вопрос о том, нужна ли фактически социальная наука и ее производители современному обществу, а показывается, как внутри этого «клана» конструируется идеология этой нужности.

Двойственное нормирование социального поведения

Признаки, характеризующие взрослое поведение — рациональность, предсказуемость и др., — являются следствием того, что каждый «взрослый нормальный современник»² наряду с языком и другими знаковыми системами усваивает «код» стандартных (типичных) социальных ситуаций, то есть приобретает социальную компетентность. Образ типичной ситуации включает ее классификационные признаки и принцип выбора поведения в ней. Основные критерии распознавания — «обычность/необычность», «нормальность/ненормальность», «безопасность/опасность», «полезность/неполезность» ситуации. Результатом распознавания необычной ситуации является расширение списка таких ситуаций, то есть социального опыта. В итоге социализации образы социальных ситуаций интегрируются в «модель мира» на основе презумпций его понятности, осмысленности, целесообразности.

Взрослый нормальный современник научается прежде всего отличать формальные (публичные, официальные) социальные ситуации от неформальных (приватных, неофициальных): в первых демонстрируется *явное* поведение (назовем его предварительно — социально поощряемым), во вторых как бы «разрешено», то есть просто стихийно имеет место поведение, которое не рекомендуется выказывать

² Так мы обозначаем человека, достигшего социальной зрелости, признанного обществом психически нормальным и живущего в то же историческое время, что и автор этих строк.

публично, то есть *скрываемое, неявное*. Так, в любом учреждении социальной науки имеются территории, различающиеся по степени официальности и, соответственно, по типам допустимого на них поведения: например, помещение, где заседает администрация или ученый совет, и комнаты отделов, коридоры. Различение явного и неявного — фундаментальный результат социализации.

Идеально-культурная модель мира

Терминологически обозначим эти полюса нормирования человеческого поведения. Нормы явного публичного поведения, названного выше социально поощряемым, можно представить как построенные на исторически сложившемся идеале общественной жизни; такую онтологическую предпосылку нормативной регуляции мы обозначим как *идеальную модель мира в данной культуре*. Она аксиоматически предполагает социальную целесообразность реальности и предписывает человеку социоцентрический (в противовес эгоцентрическому) способ поведения. Мир представлен в этой модели в терминах позитивной морали (это как бы «монотеистическая презумпция позитивности мира», иначе говоря — нацеленности всех его теоретических участников на добро). Это та часть естественного (литературного) языка, которая обслуживает культурно санкционированное поведение и мышление.

Идеально-культурная модель мира воплощена в многочисленных текстах и является основным содержанием педагогики, то есть преподаваемой культуры, всего публичного дискурса и «языком» официальных отношений в обществе. Это одна из разновидностей «само-собой-разумеющихся» явлений, опирающихся на идеально-культурное моделирование. *Весь публичный дискурс (публицистика, тексты СМИ, реклама и т. п.) должен опираться на презумпцию позитивности мира*. На ней основываются также клише «*рутинной социальной демагогии*» — части публичного дискурса, которая представляет собой абстрактно-гуманистическую риторику и пропаганду (в этом случае подразумеваются и почти всеобщее недоверие к искренности такой коммуникации, и — на более глубоком уровне — корыстные интересы исполнителей).

Идеально-культурная модель мира служит также для упорядочения и оценки социальных фактов в социальных и гуманитарных науках; во всяком случае, когда в текстах этих наук говорится о социальной реальности, имеется в виду именно *образ* такого *позитивного мира*. Это нередко мешает беспристрастному познанию того, что прячется за «очевидностью», то есть за тем, что само-собой-разумеется: во-первых, образ позитивного мира ограничивает объяснительную силу социальной науки, поскольку чаще всего эмпирически зафиксированные явления, неадекватные идеалу, рассматриваются лишь как «нежелательные» отклонения; во-вторых, частное гражданское мировоззрение автора отождествляется с его поведением в

социальной науке. Так, добропорядочному ученому то и дело придется наталкиваться на расхождение «истины» с «моралью»; этот барьер оказывается непреодолимым — хотя бы потому, что расхождения не имеют ценностно нейтральных названий в теоретическом языке. А вот управители-инуитивисты легко справляются с этой проблемой, поскольку, обходясь без названий, прагматически адекватно пользуются отклонениями от морали (впрочем, как будет показано ниже, и социальные ученые могут достигать успехов в этом деле).

«Нелегитимность» теневой стороны социального мира создает проблемы моральной регуляции, ведет к смешению смыслов в публичной и приватной жизни, когда приходится скрывать естественные корыстные интересы. Позитивный фасад социального мира формирует искаженную перспективу так же, как, например, исключение из пособий по нормам русского речевого этикета всей ненормативной лексики.

Встречается, хотя и реже, столь же всеобщий образ негативного мира, но это инверсионная разновидность той же панморализации (отдельного рассмотрения в этом отношении заслуживает идеология Гитлера, в которой — по крайней мере, на стадии успеха — не было раздвоения нормирования, для него идеалом было опровержение стандартной позитивной морали).

Здравый смысл как модель социального мира

Мы обрисовали один полюс двойственной регуляции социального поведения. Настал черед второго. Выше уже говорилось, что идеально-культурная модель мира не признает девиации как самостоятельную социальную сущность, а просто оценивает их негативно (как бескультурье, цинизм и т. п.), в то время как социальный опыт взрослого нормального индивида обнаруживает невыполнимость ряда норм культурного идеала. «Закулисная» сторона жизни со своими нормами поведения является тем полюсом социальной реальности, который и обслуживает «здравый смысл». Взрослеющий индивид постепенно узнает диапазон ситуаций, в которых: 1) исполнение норм идеала необязательно, 2) разрешены слабо караемые отклонения от них; 3) разрешены отклонения в поведении при показном соблюдении норм в речи (вообще вариантов различного нормирования поступка, мотива и речи множество). То, что здесь именуется «разрешением», — это, конечно, не фиксируемая официально легальность отклонений, а стихийный выбор взрослым индивидом поведения прежде всего в неофициальных ситуациях, а также «чтение» скрытого значения поступков в официальной сфере. Такую систему распознавания ситуаций и выбора поведения в них мы и называем «здравым смыслом» (в интеллигентской среде он обычно является синонимом ненаучности). Такое вытеснение здравого смысла происходит только на официальной территории; ежедневная практика свидетельствует о том, что в зоне сниженной официально-

сти почти все социальные ученые ведут себя как взрослые нормальные современники, то есть вполне здравосмысловым образом.

Обычно исследователи, не определяя четко понятие здравого смысла, рассуждают о его месте в структуре обыденного сознания, его отношениях с философией и наукой. В контексте обсуждаемой здесь проблематики, то есть в рамках социальных отношений, здравосмысловую модель мира можно определить как массовый опыт социализации, устойчивое ядро которого составляют стандарты (стереотипы) поведения в основных повторяющихся ситуациях с такими базовыми «само собой разумеющимися» онтологическими и антропологическими «предпосылками» (осознаваемыми только в момент семантического конфликта): а) для любых условий существования оправдано выживание любой ценой, средства приспособления лишены моральной оценки (в то время, как в ряде философских моделей мира, относящихся к культурно-идеальным, это отвергается); б) нормальные взрослые люди *одинаковы* в том смысле, что им приписываются те же мотивы поведения, что и себе (содержание мотивов вытекает из постулата (а), иначе говоря, естественной полагается своекорыстность интересов и мотивов); в) имеет место непререкаемая зависимость поведения, переживания и самооценки каждого от группы, массы, точка зрения которой является критерием *нормальности* («быть как все» и т. п.). Не вдаваясь специально в эту проблематику, можно перечислить и более обобщенные основания названных выше презумпций: 1) человеческая жизнь — само собой разумеющаяся, необсуждаемая ценность, 2) поведение взрослых нормальных современников всегда рационально (то есть из возможных альтернатив индивид выбирает такую, которое ведет к максимально желаемому для него результату); 3) при общении индивид контролирует свое поведение стереотипными (неосознаваемыми) способами и т. д.

Из этих базовых постулатов для каждой конкретной ситуации выводится *здравосмысловой критерий рациональности* поведения. Учет корыстности другого человека часто приводит к успеху социального взаимодействия, а неучет является признаком социальной незрелости и наивности. Клишированная здравосмысловая нормальность не соглашается признать необычный мотив поступка, поскольку эта модель мира является обобщением рутинного ежедневного существования. Нормы здравого смысла воспринимаются как естественные, единственно истинные, воплощающие необходимую и достаточную базовую мотивацию для выживания. В случае резкой смены социальных условий, когда в арсенале здравого смысла не оказывается рецепта адекватного поведения, возникает психологический конфликт, ведущий к коллективному решению проблемы и образованию нового стереотипа.

Не вдаваясь в сложную проблематику соотношения названных моделей в мировосприятии интеллигента, отметим главное: если для

здорового смысла картина мира «самоочевидна», то с точки зрения идеально-культурной модели эта очевидность — лишь поверхностное видение социальной реальности. И наоборот: представление социального мира по идеально-культурной модели с точки зрения здорового смысла нереалистично, наивно или фасадно, в каждой конкретной жизненной ситуации и поступке отыскиваются скрытые здравосмысловые мотивы.

Так, в учреждении социальной науки у некоторых работников периодически возникает потребность мотивировать свои занятия в критериях здорового смысла («за что нам платят?»); наряду с подавляемыми сомнениями возникают «рационализации»: «не все могут писать статьи» и т. п., оправдание случайности попадания в науку. Наиболее редко встречается мотивация в каноне культурной модели мира, то есть ссылка на любознательность или интересы развития науки. Следует подчеркнуть, что перечисленные выше постулаты обеих моделей мира — теоретические абстракции, которые «в чистом виде» не присутствуют в конкретной человеческой психике, где здравосмысловые мотивы сложнейшим образом переплетаются с моральными. Это, однако, самостоятельная тема для обсуждения.

Явное и скрытое значения мира

Вследствие двойственного нормирования социальной жизни «текст социального поведения» не является непрерывным, гомогенным, а состоит из последовательности участков «явного чтения», то есть допускающих понимание в каноне идеально-культурной модели, и участков *скрытого, латентного* смысла. Поскольку чтение латентностей разного типа входит в набор автоматизированных умений взрослого человека, ему самому текст социальной реальности может казаться непрерывным; мало того, нередко остановка внимания на скрытостях и их эксплицирование, или их открытое название бывают «табуированы», вытеснены из сознания; аналитическое внимание к ним может разрушить социализированность индивида.

Границы публичной и частной (семейной, доверительно-дружеской) сфер жизни, общей и внутригрупповой (например, молодежной) сред, отношений верх–низ в системах управления и т. д. — это малая часть мозаики латентностей, пронизывающих всю социальную жизнь. Представим типологию латентностей, условно приписав почти синонимичным понятиям различное значение:

1) будем именовать *умолчаниями* такие латентности, о которых *знают* все участники взаимодействия, неназывание которых открытым текстом связано с этикетными традициями и за которыми не стоят какие-либо групповые корыстные интересы;

2) назовем *подразумеваемыми* такие скрытости, о которых догадываются только посвященные, заинтересованные в сокрытии данного «текста поведения» от внешних лиц; вокруг такого сорта латентностей обычно немало мнимостей: во-первых, посвященные подозрева-

ют непосвященных в незапланированном знании — за счет «утечки информации»; во-вторых, в связи с хроническим недоверием низов верхам непосвященные могут преувеличивать значение скрываемого, мифологизировать его; в-третьих, сокрытие информации от вышестоящих в иерархии управления лиц удается редко, но они по известным им правилам «играют» обманутых; тем самым круг посвященных в смысл подразумеваемого текста расширяется;

3) наконец, отнесем термин *имплицитность* к такой распространенной ситуации, когда взрослый нормальный современник почти автоматически распознает скрытый смысл социальной ситуации и столь же правильно выбирает стандартный способ поведения, при этом не осознавая случившегося и не умея вербализовать его. Такая способность является важнейшей частью социального опыта индивида, его социокультурной компетенции.

Можно, пожалуй, утверждать, что в стабильные периоды общественной жизни существует неосознаваемое допущение скрытостей — и сверху вниз (например, управленческий цинизм) и снизу вверх (обыденные девиации). Нарушения этого молчаливого общественного договора отличают борцов с системами и психических неадаптантов.

Участок социальной психики, где скопился весь исторический бессознательный опыт скрытостей, содержит имплицитные ответы на все социальные и социально-психологические вопросы, которые могут возникнуть у исследователей.

Рассмотрим на конкретном примере имплицитности поведенческого «текста» с помощью *анализа его пресуппозиций*. Ситуация утирирована и служит только для демонстрации метода.

Перед нами некоторое учреждение социальной науки. Ситуация официальная — заседание. Обсуждается вопрос о подготовке коллективной монографии. Провозглашается, что статьи принимаются на любом языке; так, авторы из соседних стран представляют тексты на английском. Один из авторов заявляет, что у него есть статья на русском (и аргумент: «если можно на английском, то почему нельзя на русском?»). Воцаряется напряженное молчание, смысл которого участниками прочитывается одинаково: *на русском — нежелательно. Предлагаемые ниже интерпретации участков текста — авторские, основанные на включенности в ситуацию.* Итак:

1. Явная, провозглашаемая норма культуры (в нашем случае: *все языки написания приемлемы*).

2. Имплицитность-1: поведение согласно открытой норме недопустимо (или имеет существенные ограничения). Тем самым признается, что скрываемое не соответствует идеально-культурному образу мира.

3. Имплицитность-2: неявная, скрытая, не провозглашаемая норма, так называемая «неписаная», о которой догадываются все участники: в данном случае — это ограничение на норму открытую: *русский язык нежелателен*.

4. В состав компетентности участников входит прагма: реальным поведением (требованиями к написанию рукописи) управляют именно имплицитные, а не провозглашаемые нормы.

5. В состав той же компетенции входит имплицитность-3: об ограничениях, налагаемых имплицитной нормой на открытую, нельзя говорить открыто в официальной ситуации.

6. Имплицитность-4: молчаливая реакция аудитории на претензии нашего автора: а) коллективное молчание — свидетельство одинакового чтения смыслов всеми участниками, которые понимают событие как коллизию двойственности нормирования, б) некоторые могут одобрять позицию автора, но принимать имплицитную норму-5: открыто не поддерживать, в) в случае административного конфликта никто этого автора не поддержит. Если автор — после молчания — не возобновляет претензий — все понимают, что он больше не будет нарушать неписаные правила. Если же он продолжает настаивать на своем, возникает характерный конфликт: с точки зрения описанной системы отношений в учреждении он обнаруживает недостаток своей социокультурной компетенции. Само по себе нарушение нормативного равновесия в системе невелико, но есть опасность создать прецедент. Поэтому автор подлежит наказанию, которое, однако, должно быть оформлено в каноне официального, явного нормирования: согласно имплицитной норме-6 недопустимо признание наличия такого конфликта в данном заведении.

Перечисленные выше имплицитные нормы могут быть ранжированы по степени допустимости их нарушения. В закулисной, *неофициальной* ситуации строгость имплицитного нормирования снижается, и участники могут достаточно открыто в доступных им формах осознания и вербализации обсуждать случившееся. Парадокс ситуации в учреждении заключается в том, что любые вершины откровенности и разоблачения, достигаемые в неформальной среде, воспринимаются участниками как касающиеся только человеческих взаимоотношений, а не социального познания. Статус познания приписывается только официальным ситуациям (к примеру, конференциям, семинарам, публикациям). Анализ скрытого социального управления на официальной территории допустим только в анонимной абстрактной форме, а с обобщениями ни официальные представители учреждения, ни любые единичные участники не станут идентифицироваться. Кстати, в этом заключено коренное отличие новых социально-политических нравов от недавних тоталитарных: там *анонимные стражи системы цензурировали любое эксплицирование скрытых ее пружин и карали за это куда строже, чем за разоблачение конкретных носителей*. Система (за редкими исключениями) была неприкосновенна и анонимна, нарушители были именные. Иными словами, в советские времена идеологический контроль свидетельствовал о большем уважении верхов к теоретическому социальному познанию. В нынешние времена частный интеллигент, избегая отождествления с

генерализациями, прячется от формальной и моральной ответственности в извилистых фалдах демократии (см. ниже пример с методологическими семинарами). Действует также запрет на публичное морально-негативное самопознание.

Следующее соображение касается праксеологии и этики обсуждаемого социального познания: если в официальной ситуации в учреждении окажется возможным опубликовать (=объявить публично) любое теоретическое или даже конкретное свидетельство скрытого нормирования и управления, из этого никогда не последует изменение самой социальной ситуации, то есть соблюдение в будущем идеально-культурных норм. Скрытое управление поведением неотменимо. И это, пожалуй, один из признаков действительного социального закона: *научное осознание* его, например, отклонения скрытого нормирования от открытого, *не в состоянии изменить ситуацию* (за исключением краткосрочных периодов резких социальных перемен). Можно сослаться при этом на метафору Г.Х. Андерсена («Новое платье короля»): как известно, в конце сказки ситуация не меняется, несмотря на возглас ребенка и поддержку народа. Можно продолжить сюжет: допустим, жулики-закройщики созывают пресс-конференцию и, покаявшись, признаются в своем надувательстве; надо думать, автору-реалисту пришлось бы заключить их в дурдом, а в королевстве официально ввести постоянную должность ребенка, периодически возглашающего правду.

Остается добавить, что проведенный анализ выявляет социокультурную компетенцию интеллигентов и тем самым относится скорее к сфере социальной психологии и культурологии. Собственно социологическим был бы ответ на вопрос: какие именно сферы реальности и почему носители официоза и определенная активная часть общественности считают нужным скрыть от остального населения и переводят в область скрытого управления. Но это отдельная проблема.

Социокультурная компетенция социального ученого

Под социокультурной компетенцией интеллигента-ученого мы понимаем набор знаний и умений общего и специфического характера, усвоенных им в ходе социализации и дополненных адаптационными навыками в научном учреждении. Этот набор необходим и достаточен для выживания его как человека и для типичных занятий, признаваемыми в данном сообществе научными.

Общий и специфический уровни *культурной компетенции* проверяются «на входе» претендента в науку, перепроверяются периодически в процессе аттестаций, удостоверяются известными ступенями научной карьеры. С формальной точки зрения цензовые требования к культурной компетенции целиком относятся к идеально-культурному нормированию. Это общекультурная эрудиция, а также актуальная и историческая эрудиция по данной дисциплине (например, социологии); знание иностранных языков, в первую очередь — английского,

на котором представлена престижная научная литература; общие логико-методологические знания, специальные методологические знания и методические умения по дисциплине. Другие существенные идеально-культурные качества и способности (ум, талант, моральные свойства) практически не проверяемы, но, поскольку претендент поступает в учреждение социальной науки из вуза или другого интеллигентного учреждения, действует правило «эстафеты»: все эти заведения принадлежат к одной системе с общими цензовыми критериями, и если переход из одного в другое не сопровождался адаптационным скандалом, то названные достоинства по умолчанию человеку приписываются.

Перечисленные выше свойства относятся к легально-контролируемой части социокультурной компетенции; она дает лишь право на участие в науке или в поиске истины. Существует еще латентная часть компетенции, контролируемая сильно и скрыто; это и есть область здравосмысловой, то есть социальной зрелости индивида, которая приписывается ему при приеме имплицитно. Нарушения латентных правил достаточно редки, но кара за них сильнее, чем за нарушение легальных норм и представлена как наказание за последнее. Тут сотрудники научного учреждения не защищены никакими социокультурными индульгенциями (званиями, регалиями) и часто их судьба зависит от отношений с *Заказчиком*³.

Руководитель учреждения социальной науки, в отличие от руководителей в других социальных сферах, обязан быть помеченным научными этикетками, как бы сосредоточивая в себе власть и научную компетентность. Власть позволяет осуществлять формальный и латентный контроль за поведением сотрудников, за количеством и качеством деятельности. Критерии качества устанавливает вышестоящий Заказчик. Это компенсируется свободой имитационной активности: симуляция качества неизбежна, но в открытом режиме она запрещается; подчиненные должны владеть кодом имитации и применять его так, чтобы власть имущий имел возможность имитировать, что он не догадывается о симуляции. Обе стороны подыгрывают друг другу — на уровне «имплицитностей». Иначе говоря, буквальное исполнение указаний руководства, которые, конечно, закодированы в идеально-культурном каноне, отнюдь не обеспечивает «выживания» и является признаком не социокультурной компетентности, а социальной незрелости или наивности, неумения читать латентный смысл. Социальная наивность — это следование идеально-культурной норме поведения в сфере, нуждающейся в имитации.

В социальной науке эти характеристики приобретают специфические черты. Поступив работать в научное учреждение, взрослый интеллигент проходит период адаптации к ситуации, прежде всего — к

³ Это обозначение инстанций любого уровня, финансирующих науку и контролирующих ее.

вытесненности здравосмыслового канона из открытого обихода. Однако ученому за его взрослые годы приходится пребывать во многих таких системах; трудовая и психологическая стабильность большинства из них свидетельствуют о том, что они успешно адаптируются и чаще всего не подозревают о двойственности нормирования, то есть просто стихийно пользуются обоими кодами. И только в неожиданной стрессовой ситуации всплывают тревожные вопросы и потребность в здравосмысловой (успокаивающей) рационализации.

Таким образом, социокультурная компетенция человека, работающего в учреждении социальной науки, включает: 1) владение кодом идеально-культурного нормирования; 2) владение кодом здравосмыслового нормирования; 3) почти автоматическое умение выбирать нужный код в зависимости от социальной ситуации. Само распознавание ситуации, в которой нужно демонстрировать определенное идеально-культурное поведение, также относится к компетенции здравого смысла. Наконец, имплицитное предположение об имитационной подоплеке данного поступка социального ученого — это тоже проявление здравосмысловой компетенции; заявление же об этом вслух — социальная наивность, то есть некомпетентность. Особой сложностью отличаются процессы психического переживания, осознания мотивов, а также нормирования речи в формальной и неформальной среде. Впрочем, в таких случаях имеют место и имитация наивности, ирония по ее поводу и тому подобные коллективные игры в клане.

Специфика этой сферы жизни еще и в том, что научная деятельность социальных ученых и их компетенция направлены на познание социального мира; они могут приписывать последнему те же характеристики, которые свойственны внутреннему устройству научного учреждения. Однако, как правило, социум описывается в категориях идеальной модели мира, обязательной для всей открытой культуры в данном ареале; латентная же суть его или не опознается, или не пропускается в открытые тексты.

В свете сказанного выше обратимся к комплексу профессиональной неполноценности или вполне осознаваемому переживанию его. Официальные инстанции (руководство, ученый совет и т. п.), выступающие от имени легальных цензовых критериев, перманентно сохраняют «подотчетность» сотрудников, устраивая аттестации, разборы и рецензирование текстов; тем самым идеально-культурный ценз открыто используется для управления поведением и психикой ученых. В то же время социальная компетентность должна подсказывать последним актуальные возможности обойти барьеры, имитируя научность.

Этими отношениями проблема не исчерпывается. Часть сотрудников научного учреждения чувствует ответственность за качество работы и свою компетентность не только перед официальными инстанциями. Они находятся в психологической зависимости и от референтной группы, от конкретных местных и мировых авторитетов. Наконец, они имеют собственные представления о том, каким должно

быть качество их работы, перед ними иногда встает проблема, законно ли они занимают место в научном сообществе. Для преодоления переживаний профессиональной неполноценности часто применяется групповая «терапия» (например, успокаивающая уверенность в провинциальности и коллективной второсортности местной науки: «тут никто ничего никогда не сможет открыть»); иногда помогает набор апробированных высокопрестижных тем, терминов, поз, с помощью которых можно убедить в своей значимости локальное окружение и руководство. Однако в ряде случаев переживание некомпетентности обусловлено тем, что внутри самой системы *нет содержательного критерия научности и качества или он в принципе недоопределен*.

Как ни странно, интеллигенты не свободны от беспокойства по поводу внезапного идеально-культурного контроля, несмотря на мощное здравосмысловое неверие в саму его возможность в условиях рутинного учреждения науки, а также регалии и заслуги. Бывает, что человек не доверяет своему здравосмысловому опыту, считая его аморальным и не веря в «латентную разрешенность имитации». В этих случаях неизбежна фрустрация.

И уверенность в своей компетентности, и фрустрация по поводу ее отсутствия препятствуют научной работе и просто свободному мышлению, особенно если учесть групповой социально-психологический контроль над тем, чтобы член клана не преодолел самостоятельно его качественный уровень. Препятствовать изучению социальной реальности может не только рутинная научная деятельность, находящаяся в путях имитации, но и высококомпетентная рефлексия по канону идеальной культуры, поскольку, в частности, не способна теоретически преодолеть презумпцию позитивности мира.

Компетентный интеллигент в учреждении социальной науки

Посмотрим, как сложная социокультурная компетентность интеллигента проявляет себя в практическом контексте научного учреждения. Для начала назовем несколько социальных и социально-психологических характеристик этой ситуации.

Очевидно, что социальная наука — *особое занятие* по сравнению с починкой часов, выпечкой хлеба, изготовлением станков и т. п., непосредственно соответствующих здравосмысловым критериям обычности поведения и непосредственной нужности (полезности для людей); последние виды занятий для своего оправдания как бы не нуждаются в посредничестве культуры. На этом основании будем принципиально различать сферы социальной жизни, прозрачные для здравого смысла, и такие, где отношения с ним семантически и семиотически непрямы. Поведение людей, их психика и результаты деятельности в этих сферах различны.

Так, по сравнению с поведением работников хлебопекарни поведение взрослых нормальных современников в учреждении социальной науки демонстрирует достаточно специфическое поведение:

здесь представляются тексты об абстрактных людях и их авторы, идет зачастую ритуально-монотонное чтение и обсуждение этих текстов, язык которых абстрактен, изобилует терминами, создающими зачастую *эффект непонятности* (иногда и для самих участников). Этот привычный для сотрудников набор признаков научного поведения здравым смыслом может восприниматься как необычный, и требуется специальная рационализация мотивов как всей сферы в целом, так и поведения отдельных участников (иначе говоря, для пекаря потребовался бы специальный перевод, который только частично, за счет явного упрощения, придал бы такому поведению здравосмысловую нормальность).

Итак, *нужность социальной науки* с точки зрения здравосмысловых критериев не очевидна и прямо не доказуема (популярный вопрос «кому она нужна, эта социология?»), в то время как идеально-культурное понимание мира предусматривает *социальное познание*, которое не нуждается в специальном оправдании, поскольку заинтересованность в нем человечества само собой разумеется. Эта обобщенная мифологема относится прежде всего к теоретической социологии, хотя именно она — с позиций здравого смысла — кажется меньше всего мотивированной. Один из распространенных аргументов нужности любой социальной науки — ритуально-репрезентативный — относится к латентностям, причем не здравосмысловым, а государственно-стратегическим («никому она не нужна, но как это — европейская страна — и без социальной науки?»).

Что касается прикладной (эмпирической) социологии, то ее полезность, казалось бы, прямо проистекает из факта специально финансируемого заказа на конкретное исследование. Однако и тут мы попадаем в зону латентных социальных отношений. Так, в застойные советские времена приходилось выполнять заказные наукообразные задачи, сильно отклонявшиеся от культурного идеала, и это было вызвано не ошибкой, не недостатком компетенции, а прямой жизненной необходимостью выживания. Открытый текст заказа формулировался с помощью словаря идеальной культуры — мол, социальные решения, которые принимаются в интересах населения, должны опираться на учет мнений его представителей («выявление нужд населения»). Одновременно поступал скрытый текст, который предопределял результаты исследования, устраивающие заказчика. Такое поведение есть проявление двух типов социального знания организаторов: а) в обществе существуют некие силы, с которыми так или иначе приходится считаться и в угоду которым нужно проводить дорогостоящий опрос; б) сами решатели во мнениях населения не нуждаются: во-первых, они лучше самих жителей знают их нужды, во-вторых, их социальное чутье подсказывает им, что результаты корректного опроса могут их не устроить. Это особое интуитивное пред-знание заказчиков состоит из знания идеально-культурных норм и угадывания точки зрения населения, а точнее — его негативного отношения к официальным

решениям (вопреки тому, что в идеале интересы населения и заказчиков должны совпадать). Таким образом, в сферу фальсификации втягивается очередное звено реальности — учреждение социальной науки. Такие отношения — не редкость и в новые времена.

Между тем, поскольку и в науке мы имеем дело с взрослыми нормальными современниками, то все отношения в ней надстроены над неявным здравосмысловым основанием, согласно которому оправдываются любые поступки индивидов, групп и институций, обеспечивающие в конечном счете выживание и растущее материальное и символическое благосостояние участников.

Стоит отметить, что самим заказчикам — как правило, адептам интуитивного здравосмыслового управления — социальная наука кажется совершенно понятной и доступной, то есть они искренне не верят в самую возможность социальной научности, в существование таких важных для их практики законов социума, для знания которых недостаточно их здравого смысла, а требуются профессиональные социологические средства. Их всезнание несокрушимо, а институционализированные социальные ученые оплачиваются ими (из кармана налогоплательщиков) для поддержания имиджа заботливой власти, освященного авторитетом науки (причем оплачивается также ритуал умножения этого авторитета — именами, званиями, чинами и т. п.). Для текущего успешного управления заказчикам важно четко осознавать свои интересы и угадывать интересы конкурентов, а для этого их чутья вполне достаточно. Разумеется, эти постулаты тщательно скрываются — как от социальных ученых, так и от населения. Можно сказать, что это латентное социальное знание заказчика и является подлинной интуитивной социологией, истинность которой может быть опровергнута только в перспективе неопределенного будущего. Перечислим характеристики общей ситуации учреждения социальной науки, составляющие контекст, в котором действует социокультурная компетенция ученого:

1. Социальная наука относится к сферам социальной жизни относительно *некоррупционного* типа (то есть коэффициент коррупционности в них ниже, чем в других). При этом коррупционная сфера понимается как область человеческой деятельности, в которой легитимное распределение благ недостаточно для конкурирующих интересов окружающих людей. В коррупционных сферах отношения испытывают куда большее социальное давление (и другого характера), чем в некоррупционных (научные учреждения, работающие на коммерческих началах, естественно, могут становиться объектом коррупции).

2. Социальная наука *материально несамодостаточна*: ее учреждения зависят от официальных институтов, осуществляющих финансирование из кармана налогоплательщиков. Эти институты тем самым как бы представляют обобщенную заинтересованность последних в самопознании и зачастую формулируют от их имени заказы на исследования.

3. От профессиональных усилий социальных учёных непосредственно *не зависят судьбы* остального населения (разве что в символическом смысле — при мессианском понимании роли интеллигенции). Процедуры эмпирической социологии (не говоря уже о теоретической) неизбежно превращают живых респондентов в абстрактную анонимную массу, которой приписываются определенные свойства, как правило, отвечающие требованиям Заказчика.

4. В сфере социальной науки взрослый нормальный интеллигент сталкивается с особым *порогом абстракции* (по сравнению, допустим, с математикой), для преодоления которого требуется дополнительная адаптация: помимо того, что необходимо научиться рассматривать живых людей как достаточно абстрактных персонажей, надо еще и себя фактически исключить из числа объектов исследования; обратная операция сложна и требует определенных навыков рефлексии. Доводилось наблюдать, как автор-человек противоречил тому же автору-исследователю.

5. Занятие социальной наукой относится к *творческим*, и ее учреждения принимают сотрудников на конкурсной основе. Один из смыслов этого экзамена — проверка социокультурной компетенции. Формой бегства интеллигента-ученого в анонимность является фактический отказ от «лицензии творчества», то есть его имитация.

6. Особенностью учреждения социальной науки является *клановая* (имеется в виду научное сообщество как социальная группа) *замкнутость*, которая, в частности, проявляется в парадигматическом контроле (официальном и коллективном) за соблюдением внешних признаков научности и в ритуализации этого процесса. Контроль за соблюдением *форм научности* предоставлен внутренней системе (прерогатива, которая нередко призвана создавать в восприятии профанов образ профессиональной энигматичности). Контроль же за соблюдением *содержательных характеристик* заказа остается в руках Заказчика, однако часто представляет собой скрытую (здоровосмысловую) его прерогативу и запрещен к публичному выражению. Тем самым снаружи клановая научная организация выглядит самостоятельной, контролирующей саму себя. Вместе с тем парадигматический контроль — это форма социального контроля (экономического и психологического) за поведением подчиненных в зоне принуждения, вовсе не защищенных своей «творческой избранностью».

Соблюдение норм научности выступает как приведение работы в соответствие с парадигмой в различных ипостасях и с разной степенью эрудиционной строгости. Это: а) чисто формальное, легко опознаваемое соответствие так называемой позитивистской парадигме (например, применение процентных корреляций, давно признаваемое участниками игры как бесхитростная имитация научности); б) соответствие более современным версиям той же парадигмы с применением более сложных методов анализа; в) присоединение автора к научной системе всемирно признанного теоретика; подключение эмпи-

рических результатов к его интерпретационной концепции рассматривается как предел объясняющих усилий; г) то же самое с добавлением публицистических актуализаций.

Иногда имеют место случаи чисто имитационного присоединения к классику или иностранному авторитету: цитирование первоисточника на языке, которого автор не знает. Этот подход рассчитан на «дальних читателей», поскольку ближние знают о языковой некомпетентности автора, однако в открытом режиме никогда его не разоблачат; таковы требования скрытого управления — и *своеобразная этика системы*.

За рамками парадигматического контроля находятся поиски новых критериев научности — на метауровне.

7. Соблюдение всех этих норм имеет бюрократизированный и *ритуализированный* характер, играет важную роль в учреждении социальной научности. Сюда входит и *престижная* составляющая, регалии, которые придают исполнителю искомую значительность. По крайней мере для многих участников извлечение их биографий из серости и обыденности остальных сословий было важным стимулом профессионального выбора. К описываемой коллективной игре относится также сговор престижного цитирования, при котором каждый следующий ученый утверждает в науке ссылками на предыдущих.

К ритуальным признакам среды относится и *эффект непонятности*, энигматичности текстов. Он может возникать произвольно (по причине настоящей некомпетентности) и полуосознанно — как следствие соответствующей позы. По отношению к названному эффекту можно выделить три категории социальных ученых: тех, кто искренне производит тексты, непонятные для остальных (для некоторых из них непереводаемость на простой язык служит синонимом подлинной научности); тех, для кого непонимание является источником тревоги, то есть сама непонятность оказывается как бы средством социального контроля; наконец, тех, кто непонятность воспринимает как ритуал и участвует в нем. Вся организация научного текста, письменного и произносимого с трибуны, — от монотонности речи до использования местоимения «мы» вместо «я» — рассчитана на восприятие его как безусловно научного и поддерживающего достоинство коллективного дела. Во всяком случае, если в результате закулисных внутриклановых интриг возникает неприятие конкретного автора, это никогда не происходит ценою нарушения правил игры.

8. Такое искомое качество, как *добросовестность*, в контексте системы может означать разные вещи и, соответственно, по-разному оцениваться. Добросовестность по канонам культурного идеала, когда сотрудник сознательно или неосознанно не учитывает имитационного смягчения норм, на самом деле имеет ограниченное применение. Иногда она может быть источником служебного конфликта —

восприниматься как неадаптированность, сопротивление или некомпетентность. Вместе с тем имитация добросовестности вполне приемлема, если она не слишком бросается в глаза. Наконец, идеальнокультурная качественность поведения ученого, не нарушающая границ равновесия в учреждении, приемлема как его частное дело.

9. Что касается естественного человеческого *любопытства по отношению к предмету исследования* («как устроено общество?», «что в нем меняется?» и т. п.), то оно свойственно только индивиду; вряд ли его можно — без гипостазирования — приписать группе, социуму или, наконец, государственным учреждениям в целом. Можно считать, что социально-познавательные ориентации официально приписываются периодам ученичества и студенчества, а дальше познавательные действия оформляются ритуально и бюрократически — как проведение рутинных исследований и написание диссертаций, статей и монографий; адресат этих текстов — внутриклановый, интерес к ним — вполне утилитарный (в рамках здравосмысловых критериев). Сама постановка вопроса о естественной любознательности в этой среде оказывается социальной наивностью=некомпетентностью.

10. Особым ритуалом учреждения социальной науки является *чтение новой профессиональной литературы* — прежде всего, англоязычной. Этот ритуал, во-первых, замещает содержательную сторону исполнения науки, перекладывая ответственность за нее на зарубежный авторитет, во-вторых, играет терапевтическую роль по отношению к переживанию профессиональной неполноценности. С точки зрения наивности и любознательности нормальна была бы такая последовательность: сначала сотрудник сталкивается с реальной социальной проблемой, формулирует вопросы, на которые хотел бы найти ответы, затем обращается к накопленному в науке опыту и ищет подсказки в статьях и книгах. Ритуал чтения часто заменяет все это; иногда сюда добавляется и переживание ученым провинциальной второсортности самой окружающей реальности, не доросшей до уровня эффективных зарубежных проблем.

К этому же типу ритуализации относится и «вырожденная» научная коммуникация — активное участие в международных конференциях и симпозиумах.

11. Типичной характеристикой ситуации социально-научного учреждения могут служить *методологические семинары*, а точнее — реакция ученых на очередное сообщение, в котором, согласно идеальнокультурным нормам, содержится новое знание. Такие доклады редко сопровождаются вопросами и выступлениями слушателей, если не считать нескольких «дежурных» вопрошателей — в основном, по долгу службы. Резонно предположить, что это событие имеет иной, латентный смысл, инверсионный по отношению к декларируемому. Сама явка научного сотрудника на семинар нормируется достаточно жестко (отметка в списке участников), содержательная же сторона

присутствия не поддается управлению, поскольку целиком зависит от *индивидуальной свободы выбора поведения*. Если администрация попытается регулировать это поведение и обяжет каждого участника, скажем, раз в месяц задавать вопрос, то избегание просто перейдет на более глубокий уровень: гарантировать содержательность вопросов никакое нормирование не в состоянии. Часто приходится наблюдать, как настойчивые призывы докладчика или ведущего к аудитории натаккиваются на «стену молчания»; большинство слушателей скрывается в этой «демократической» безнаказанности. В таком коллективном поведении ученых проявляются и отчужденное отношение к смыслу мероприятия, и избегание публичных выступлений в официально-групповой ситуации — по причине переживания профессиональной неполноценности, и боязнь ответственности и свободы. Характерная двузначность: с одной стороны, инерционное послушание интеллигента и, с другой — ненормируемое непослушание. Иначе говоря, как только на территории социальной науки возникает «свободная» зона, интеллигент предпочитает спрятаться в анонимность и имитационное поведение. В конечном счете регулярное событие «методологический семинар» оказывается демонстрацией мифическому адресату (не путать с Заказчиком) наличия учреждения социальной науки, которое функционирует по всем правилам идеально-культурного канона (который, кстати, предусматривает хроническую заботу о повышении качества научной работы). В то же время латентный смысл мероприятия ничем не отличается от смысла всех остальных действий: нормальное здравосмысловое поведение людей, избравших такой способ выживания.

Выше уже отмечался один из отличительных признаков ситуации социально-научного учреждения — отсутствие влияния ее на судьбы населения (если отвлечься от косвенного воздействия). Вместе с тем в этой ситуации конфронтация двух обсуждаемых моделей мира не проходит, на наш взгляд, бесследно для самих участников игры.

Можно сказать, что если интеллигент X занимается деятельностью A и эта A не прозрачна для здравосмысловой оправданности (даже если методы и результаты A далеки от здравого смысла), то в психике X начинаются изменения: 1) содержание A превращается в абстракцию, на которую психика реагирует рутинным раздвоением; 2) используется серия компенсаций — моральных, гуманизирующих, престижных, стилистических, приватных; 3) и наконец, если компенсации не помогают — происходит фрустрация, защитой от которой могут быть или рациональная рефлексия, или полное отождествление в сознании данного интеллигента норм обеих моделей (то есть когда имитация принимается за идеально-культурную норму).

Теперь можно обобщить отношение интеллигентов-ученых к двойственности нормирования. Большинство из них великолепно

пользуются обоими кодами, считая такое раздвоение совершенно нормальным (хотя в других случаях, например, в кулуарных обсуждениях актуальной политики, осуждение и ирония по отношению к официальности вполне привычны). Для другой части интеллигентов адаптация к двойственности трудна; одни преувеличивают здравосмысловую ориентацию, другие — идеально-культурную; и в том и другом случае они проявляют социокультурную некомпетентность и наивность. И, наконец, некоторым двойственность нормирования и участие в имитационной научной деятельности приводит к психологическому конфликту и дезадаптации.

Осознание ученым двойственности нормирования может быть способом преодоления имитации, а может привести и к разладу адаптационных способностей. Возникновение психологических проблем связано с тем, насколько внутренние барьеры человека препятствуют проникновению имитационности и фальши в его частную жизнь и психику.

Заключение

Стихийная социологичность взрослого нормального современника — это и есть настоящая здравосмысловая социология, которая действует в социальной жизни. Ее конкретное содержание различно у Заказчика, у ученого, делающего карьеру, у рядового сотрудника, хотя базовые основания здравого смысла едины. Положения этой стихийной социологии не осознаются как объект теории и, вероятно, неслучайно вытесняются из интеллигентского менталитета; происходит как бы его «стерилизация» в духе обязательной идеально-культурной модели мира. Для теоретической реконструкции такой социологии необходимо, нарушая существующие культурные табу, свести воедино и обобщить ее практические правила, проанализировать причины ее вытеснения из сознания социальных ученых, аксиологически «нейтрализовать» ее негативную оценку в публичном дискурсе («обезморалить»). Все это может способствовать воссозданию более полной, ценностно нейтральной картины социального мира.